Цена 15 коп.

Р-3
Д 333

№ 2.

БИБЛИОТЕКА РАБОЧЕГО-КООПЕРАТОРА

С. А. ДЕНИСОВ

ВРАГИ КООПЕРАЦИИ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. БЕЛИНСКОГО гор. СВЕРДЛОВСК ФОНД ПЕРЕДВИЖЕК
СОУНБ им. В.Г. Белинского

МОСКВА
ИЗДАНИЕ ЦЕНТРОСОЮЗА
1924

191914

31. ЯНВ 1927

Р.
А.33.
45252

СОУНБ им. В. Г. Белинского

БИБЛИОТЕКА РАБОЧЕГО КООПЕРАТОРА.

С. А. Денисов.

45252

ВРАГИ КООПЕРАЦИИ

(РАССКАЗ)

СОУНБ им. В. Г. Белинского

1944 г.

Инв. 1936 г. №

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ
г. СВЕРДЛОВСК

ЦЕНТРАЛЬНОЙ ОБЛАСТНОЙ БИБЛИОТЕКИ им. БЕЛИНСКОГО гор. СВЕРДЛОВСК
ФОНД-ПЕРЕДВИЖЕК
Инв. №

Издание Центросоюза.
Москва—1924

Р-3

8

СОУНБ им. В. Г. Белинского

„Главлит“ № 24069. Тираж 10.000 экз

Типография Центросоюза, Москва, Денисовский пер., д 30.

Акулов торгует.

Пров Никитич Акулов, отпустив последних покупателей, глянул на часы и отдал „молодцам“ приказ, чтобы они готовились к закрытию магазина.

Услыхав распоряжение хозяина, молодцы засуетились, начали подметать, убирать, чистить и приводить в порядок помещение магазина.

На этот счет у Пров Никитича инструкция была строгая: он сам смотрел за уборкой и не любил беспорядка в лавке. Ребята знали своего хозяина и, убираясь, все время посматривали на Прова Никитича, изучая его настроение.

Особенно недолюбливал Пров Никитич, когда приказчики по закрытии магазина начинали просить у него „денжонок“ вперед до получки.

— Што!—в карты, наверно, продулись, черти,—сердито рычал Пров Никитич в ответ на просьбу приказчиков одолжить им денег.

— Нет, Пров Никитич, тут не до карт!.. не хватает на еду,—оправдывались молодцы.

— Гм! не хватает!.. а я-то где вам возьму?.. что я ворую деньги-то?—сердился Пров Никитич,—вы видите: я своим горбом зарабатываю, с утра до ночи сижу здесь, мерзну, мучаюсь, убиваю силы!.. а некоторые прохвосты меня еще кулаком каким-то называют... мироедом!.. Да!.. это, значит, за то, что я народу добро делаю: кормлю, да в долг беднякам даю, выручаю!.. это они все... эти „потребиловцы“, я знаю!.. умные головы... народ дурачут... У-у!.. эх!.. подожди, я им покажу. Они у меня узнают, как этот „кулак“ их пришибет!.. в порошок с...с...со...тру!! сволочи!!

В доказательство своей мощи Пров Никитич крепко сжимал огромный кулак и с силой ударял им по прилавку,

СОУНБ им. В. Г. Белинского

так что легкие гири и другие мелкие предметы летели на пол. Приказчики мигом подбирали все это и отходили в сторону, ожидая, когда стихнет «буря».

Сегодня Пров Никитич не руководил уборкой магазина: у него было спешное дело и он торопился домой.

Дневную выручку он подсчитал на скорую руку и все время сопел, кряхтел, отплевывался, что-то мычал себе под нос и шевелил губами.

— Мишка, чтой-то наш Пров насупился сегодня?—вполголоса спросил своего товарища приказчик.

В доказательство своей мощи Пров Никитич крепко сжимал огромный кулак и с силой ударял по прилавку.

— А чорт его знает,—ответил с сердцем Мишка,—у него на дню семь пятниц, что ты первый раз его видишь что ли!

— Ну, вы!.. поросята... где вы там?—крикнул Пров Никитич,—куда запрятались!.. у вас все готово! давайте замки... идемте скорей: мне некогда!.. Ну живей!..

Ребята вынырнули из кладовой, на ходу снимая фартуки.

— Все готово!.. убрали, Пров Никитич!..—в один голос ответили Мишка и Петруха.

— Тушите огни... идем,—торопил их Пров Никитич.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

Через пару минут дверь была заперта на здоровенные висячие замки. Попрощавшись с хозяином, молодцы зашагали по улице.

Пров Никитич еще раз потянул замки и убедившись, что все обстоит благополучно, размашисто перекрестился на все стороны и направился к дому.

Мысли и думы Акулова.

Акулов торопился домой.

Сегодня вечером у него должны были собраться местные торговцы: надо было поговорить о торговых делах и принять меры против здешних потребилок.

Пров Никитич шел дорогой и думал: как бы это лучше и осторожней повести борьбу с „потребилками". Мешали они торговле до-зарезу, да еще всякие штучки печатали в газетах про него и других торговцев.

„А зачем они эти „потребилки" крестьянам и рабочим— рассуждал Акулов—разве это их дело торговать... они, знай, себе работали бы и ладно, а торговое дело к чему им! Што они понимают в этом деле. Я, вот, действительно!.. я с малых лет по этому делу пошел и отец мой был лабазник и дед и... да что говорить!.. Смущают рабочих разные там прощелыги, обирают деньги... и начинают устраивать торговлю... союзы... и все такое... путают нам дело, да мешают только торговле..."

Мысли Акулова вдруг оборвались: до его слуха издали долетели слова рабочей песни:

„весь мир голодных и рабов".

„Ишь, дьяволы, орут,—прошептал Акулов,—разложить бы всех вас, да всыпать каждому по двадцать пять горячих, сразу стали бы сыты!.. работали бы лучше... старались, и голода не было бы... Ух! палки нет на вас, анафемы!"

Проходя мимо, Акулов злобно покосился на окна рабочего клуба „Красный путь", откуда неслись звуки ненавистной ему песни.

Еще несколько минут пути и Акулов входил в свою квартиру.

Его встретила пестро разнаряженная жена, Матрена

СОУНБ им. В. Г. Белинского

Дорофеевна, толстая, дородная женщина средних лет и среднего роста с тупым самодовольным лицом и потухшими серыми глазами.

— Ты что-то, Никитич, нынче задержался?—заговорила Матрена Дорофеевна, открывая дверь мужу,—а тебя тут ждут... гости собрались...

— Иду прямо из магазина, только что закрыл,—сухо ответил Пров Никитич, поглядывая на наряды жены.

Раздевшись, Пров Никитич вошел в комнату.

Вокруг стола, на котором кипел большой никелированный самовар „вазой“, сидело четверо гостей, все местные „тузы“—торговцы, знакомые и друзья Пров Никитича, собравшиеся к нему пообсудить свои торговые дела.

Акулов среди своих друзей.

Поглаживая бороду, Пров Никитич окинул взором всех присутствующих и широко улыбнулся.

— Здраствуй, Пров Никитич!.. почтение, Никитич!.. долгонько, долгонько ты нынче!..—заговорили по очереди купцы, встречая Пров Никитича.

— Здраствуйте, господа,—дорогие гости!—начал Пров Никитич, подходя к столу и подавая руку каждому из них,—здраствуй, Пантелей Спиридоныч, здраствуй, Аким Федотыч... здрасте, Ефрем Семеныч и Авдей Фомич!..

Пожав всем руки, Пров Никитич расположился у стола.

— Ну-ка, Матреша, налей-ка нам чайку, да угощай гостей, чем бог послал,—заговорил Пров Никитич,—ну рассказывай, Авдей Фомич, как дела, что слышно нового,—обратился он к своему соседу, коренастому мужику лет сорока пяти с плутоватыми глазами и широкой бородой лопатой.

— Гм!.. Новостей нынче, Пров Никитич, хоть пруд пруди,—начал Авдей Фомич, покручивая пальцами правой руки толстую, серебряную цепочку, висевшую у него на животе,—век такой настал, каждый день все новости... Китай, говорят, там чево-то опять затевает... да наши... тово... интригу тоже ведут... за китайца, значит, быдто вступаются.. а англичанка с японцем тоже маху не дают и, значит,

Собственность В. Г. Белинского

Антанцию подговаривают... каша такая, значит, сам чорт не разберет... Больше всего француз дебоширит... наших видеть не может... не хочет признавать... не любит во как!.. ни в грош не ставит!

— А кто их любит-то,—вмешался Пантелей Спиридоныч Колупаев, благообразный, помятый старик, потерявший за время революции две мельницы, скот и землю,—этим большевицким аспидам и в аду черти места не дадут!.. Чтоб им!..

Тут Колупаев поперхнулся, закашлялся и, не договорив, стал шарить по карманам, отыскивая платок.

— Ха!.. ха!.. ха!.. го!.. го!.. го!..—дружно захохотала вся компания.

Пожав всем руки, Пров Никитич расположился у стола.

Пров Никитич от удовольствия гладил бороду, переводил поочередно свой взгляд на всех своих собеседников.

— Здорово!.. Во если бы „чекушка“ слышала... она тебе задала бы жогу, Пантелей Спиридоныч,—смеясь, заметил Авдей Фомич,—упрятала бы и концов не нашли...

Наступило минутное молчание. Все принялись за чай.

— Вот что, господа, не кончить ли нам этот чай,—нарушив молчание, заговорил Пров Никитич,—вода, говорят, у Пантелея Спиридоныча мельницу сломала...

СОУНБ им. Г. Белинского

— Если бы вода!.. это было бы не страшно,—подхватил Колупаев, угадывая намек Акулова,—а тут прямо ураган какой-то пронесся... будто во сне все произошло... и сичас живешь, вроде спишь, тоисть, как сон...

— Матреша! убирай-ка твой самовар, довольно! —прерывая Колупаева, обратился к жене Пров Никитич,—дай-ка нам теперь чево-нибудь существенного, погорячей, чтобы... этак, мозгам, тепло стало!..

— Так, так, так!.. это дело!.. ай-да Пров Никитич, молодец, право слово,—потирая руки, сказал Авдей Фомич,— что мы на самом деле... теперь можно... поговорили и будя.

Матрена Дорофеевна стала подавать разные закуски. Пров Никитич этим временем достал четвертную с водкой и наполнил по горлышко довольно солидный графин.

— Самогон?—улыбаясь, спросил Ефрем Семеновыч у Прова Никитича, когда тот торжественно водворил графин на середину стола.

— Настоящая!.. самогон пусть жрут товарищи-пролетаевы, а у нас и на хорошую хватит,—самодовольно заявил Пров Никитич.

— Рядом с графином водки появилось пиво и другие напитки. Стол был заполнен закусками и винами.

— Теперь можно начинать наше „собрание“: знаете, как это у „товарищей“ бывает,—ехидно улыбаясь, сказал Пров Никитичь.

— А ты будешь у нас *председятялем* Пров Никитич,— поддакнул Авдей Фомич.

— Ха!.. ха!.. ха!.. ловко!.. Хорошо!..—все засмеялись. На неподвижном и сонном лице Матрены Дорофеевны тоже появилась улыбка.

— Сначала давайте заправимся, как следует, а после уж приступим к делу,—пояснил гостям Пров Никитич.

Мироеды угощаются.

Все согласились. Началось угощение. Выпили по единой, закусили, затем повторили. Лица оживились, языки развязались, в комнате стало шумно и весело.

— Да что там толковать! послушайте, господа,—заго-

Собственность им. В. Г. Белинского

ворил Ефрем Семенович,—я вспомнил, как Пантелей Спиридоныч давеча ругал большевицких аспидов... я с ним согласен... он прав... ты прав, Пантелей Спиридоныч!

— Я вот, к примеру, скажу про себя: нас, Абалдуевых, раньше вся округа знала, мы миллионами ворочали, ни такими, ни теперешними „лимонами“ паршивыми, а настоящими. В то время нас каждый мужик знал, на сотню верст известны были, каждому бедняку помогали,—все у нас были в долгу` и никому не отказывали. Некоторые до самой смерти нам были должны: брали и отдавали, так и шло. Все к нам были с уважением. И рабочие здешние не в обиде были: они все в наших лавках товар покупали. В долг—без отказу. Тогда об этих дурацких „потребилках“ никто и понятия не имел. А жили мы как!.. Ух! и жили Абалдуевы!.. Вспомнишь теперь—сердце кровью обливается... Иногда возьмешься за голову, вцепишься себе в волосы и целый день сидишь и думаешь!.. думаешь!.. думаешь!.. ни жрать, ни делать ничего не хочется... Да, жили когда-то Абалдуевы!.. здорово жили!.. до самой смерти не забуду...

Ефрем Семеныч умолк, провел ладонью по вспотевшему лбу и принялся за балык.

— Верно!.. жили когда-то,—повторил Пантелей Спиридоныч,—а теперь?..

— Да, жилось, господа, нечего сказать,—согласился в свою очередь Авдей Фомич,—я тоже вспоминаю часто... я вот люблю у себя в граммофоне пластинку слушать, как там какой-то каналья тонко так поет: *„Куда, куда вы удалились...“* дальше не помню... но вот эти слова я запомнил... как только становится скушно, вспомню старое, сичас начинаю накручивать: иной раз целый час завожу и слушаю все одну эту пластинку... ндравится... и больше нет никаких!..

— И опять жить будем!.. не правда, мы свое возьмем,—вскипел Пров Никитич,—не горюйте! Вы видите, што сичас делается... тут надо понять... раскусить нужно этова самого „непина“, здесь тонкая штучка... „они“ понемногу того... знаете, как раки ходят... вот так...

СОУНБ им. В. Г. Белинского

Пров Никитич растопырил два пальца правой руки и задвигал ими по стулу.

— Назад пошли... но не сразу... штобы, значит, не так заметно было... А мы,—Пров Никитич задвигался по стулу,— а мы сейчас ни гугу!.. мы должны быть теперь тише воды, ниже травы... должны жить, как-будто ничего не замечаем... не понимаем и все это нас не касается... надо выждать... а потом сразу... трах!.. и готово!..

Пров Никитич сжал кулак и хотел двинуть по столу, но, вспомнив, что перед ним не магазинный прилавок, ударил себя по коленке. Гости с жадностью следили за каждым движением Пров Никитича.

— Тонкость нужна во всем, господа... смекалка... гладь, значит, покуда по шерсти... зачем зря на рожон лезть... Налоги—на, бери!.. сборы—бери!.. голодающему мужику— дери с нас, чорт с тобой!.. Мы свое и с голодающего, и с сытого возьмем. Вот, как надо!.. Я вас заговорил... еще «клюнуть» не мешает...

Все чокнулись, выпили и начали закусывать, кто чем хотел. Матрена Дорофеевна подбавила еще колбасы, рыбы и булок.

— Ты здорово рассуждаешь, Пров Никитич,—промолвил Авдей Фомич,—голова у тебя прямо, как у министра, право слово!.. ты этих... наших дуралеев партейных забьешь в раз!.. только ходу не дают нам, проклятые!..

Все смачно засмеялись и задвигались на стульях. Пров Никитич как-будто не слыхал похвалы и продолжал усердно резать ветчину и отправлять ее в рот. Беседа все оживлялась. Речь становилась все развязней и откровенней. Пантелей Спиридоныч завел речь о религии и доказал Ефрему Семеновичу, что большевик—это тот же антихрист в образе человека, посланный господом-богом за грехи людские, и что в писании сказано, что они будут ходить поэ вей вселенной и будут смущать народ до второго пришествия.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

Торговля—лакомый кусок.

— Позвольте, господа, я вас перебью,откладывая в сторону вилку, начал Пров Никитич,—все это не то... Я вот должен вам напомнить... Не забудьте самого главного... значит, торговлю. Все эти политики—мразь... вы видите, кто сичас колесом вертит—торговля! Вопче, господа, торговля... ох!.. эта о-о-огромная вещь! Торговля и купец—великое дело!.. Ище до Рожества Христова купец был в славе... вот оно какое дело!.. Значит, кто сичас торговлишкой ворочает, тот и человек... у того все... я сам себе и власть, и князь, и король. Не только у нас... во всех протчих империях торговля што ни есть главное: она всеми делами крутит... у нас—«умные головы...» вы помните!.. хотели в двадцатом году без торговли все устроить... дескать, што нам она!.. закрывай!.. разгоняй базар!.. и што получилось?!.

Сделав ударение на последних словах, Пров Никитич на минуту остановился, поглядывая на своих собеседников, как бы желая узнать, какое впечатление на них произвела его речь. На всех лицах без труда можно было прочитать одобрение и сочувствие его словам.

— А теперь дали опять торговать,—продолжал с под'емом Пров Никитич,—смотрите, как жизнь пошла... малина!.. только вот они—«ироды наши», и тут выкинули фортель... магазины свои стали устраивать... власть, значит, сама в торговлю пустилась... не дает нам полнова ходу... только путает и мешает купцам и торговым людям...

— Лопнут они с этой штукой, как дважды два,—усмехаясь в бороду, заметил Авдей Фомич.

— Да еще как лопнут-то,—с яростью подхватил Пров Никитич,—разве они с этим делом сладят? Где у них люди... умеющие и понимающие торговое дело? Это тебе не митин: пришел, наорал, наговорил и ладно! В нашем торговом деле б-о-ольшая сноровка нужна!.. вещь практическая!..

— Ленин как «своих» шпиговал,—улучив минуту, заговорил Пантелей Спиридоныч,—он недаром заставлял их учиться торговать!.. Он знал, где механизму подкрутить нужно... Без торговли у него дело... труба, значит!.. Во!.. понимаете!..

СОУНБ им. В. Г. Белинского

— Пусть! Все равно ничего не выйдет,—уверенно заявил Пров Никитич,—поздно теперь им учиться... доучились: дальше некуда!.. Нет, голубчики, сколько они не вертись, не миновать все нам передать. Вот поверите мне! Не сойтить мне с этого места: вся торговля будет у нас, все отдадут... Но, чур! Нам только нужно действовать, знаете, этак... осторожно; по маленьку гнуть в „свою...“ они в „свою“, а мы в „свою...“ мы слегка—напролом не надо. Дали тебе в рот палец, ну, а ты, стал-быть, постепенно забирай и старайся оттянуть всю руку... Вот, понимаете!..

Пров Никитич поднес для примера ко рту указательный палец и сильно щелкнул зубами. Это всем понравилось. Пантелей Спиридоныч, вторя Акулову, в свою очередь тоже щелкнул зубами, как бы пробуя их силу.

Пров Никитич встал, открыл форточку и принялся опять всех угощать. Выпили еще и еще. Вместе с этим у каждого все больше появлялся аппетит поговорить.

— А сегодня, господа, говорят новый декрет какой-то вышел касательно торговли и каперации,—нарушив молчание, заговорил Ефрем Семеныч,—слышали?.. цены, быдто начали снижать... ха! ха!

— Ерунда!..—махнув рукой, пробасил Пров Никитич,—пусть пишут, потешают себя... Они будут писать, а мы будем жить... жить во всю... што нам!.. Живи, Акулов, не стесняйся... Ура!..

— Правильно! Верно! Урраа! Молодец, Пров Никитич!..—загудела хором вся компания, широко раскрыв рты и оскалив зубы.

Кооперативы здорово мешают.

— Вот у нас сичас каперативы взяли силу, леший их побери,—заговорил Авдей Фомич, после того как все немного поуспокоились и пришли в себя,—на механическом заводе... как ево называют: „Красный... красный молоток или молтобоец...“ чорт их разберет теперь!.. ну, знаете!.. бывший завод Давилова и К°... так вот на этом заводе рабочий каператив, на „горках“ третью лавку открывает. Да

Собственность В. Г. Белинского

ты што!.. обороты, сказывают, большие делает. В лавках всего полно. Эти бараны... рабочие... так и прут туда.

— Да, да! вот дела-то!—пробурчал Пантелей Спиридоныч, поглядывая на Пров Никитича и ожидая, что он скажет по этому делу.

Пров Никитич смотрел куда-то в сторону и о чем-то думал. Авдей Фомич продолжал жаловаться на засилье рабочих кооперативов и на то, как они мешают его торговле. Услыхав, что заговорили о кооперации, Пров Никитич оживился, тряхнул бородой и вступил в беседу.

— Ты вот на счет каператива упомянул,—повернувшись к Авдею Фомичу, начал Пров Никитич,—да, действительно, каперация эта самая... она у меня тоже во где сидит.—Он наклонил голову и похлопал себя рукой по шее.—На эту вещь нам, господа, нужно обратить самое сурьезное внимание... Я сегодня шел дорогой и думал: как нам от нее избавиться или „сократить" ее малость... Каперация—это дьявольская штука!.. По весу-то она сущий пустяк, плюнуть... а вот мешает здорово... здорово мешает в нашем деле... Это я говорю вам здесь откровенно, как между своими... Чево нам тут скрывать!.. Правда!..

— Да, да! Это верно... Зачем нам тут стесняться... чай, все свои!—поддакнули Пров Никитичу собеседники.

— Ведь вот оказия,—пожимая плечами, снова заговорил Пров Никитич,—сколько лет я торговлей занимаюсь-а никогда раньше и не обращал на нее внимания... на капирацию-то... и не слыхать ее было: откуда она, окаянная, взялась, в ум не возьму!..

— Из неметчины, говорят, пошла,—пояснил Пантелей Спиридоныч.

Пров Никитич взглянул на него и ничего не ответил.

— Знаете, как бывало,—продолжал Пров Никитич прерванную мысль,—рабочий работает себе. Кончил. Идет после работы в лавку. Заходит ко мне, к тебе и к прочим, покупает, што ему надо, и идет себе преспокойно домой... Не знал он никаких „потребилок" и „рабкопов" разных, не знал собраний, да и на кой шут они ему нужны были... и нам-то было спокойней!..

Собрание В. Г. Белинского

При последних словах Пров Никитич сморщил лоб, сделал злые глаза и сердито мотнул головой.

— Сидишь себе, бывало, попиваешь чаек, с Матрешей беседуешь, о покупателях и не думаешь... он сам к тебе прет без всякого... да и товарец держали не строго... покупатель не разборчив был... што ни дай—все берет... чего-нибудь не так... второй сорт за первый и прочее, знаете, в торговле все бывает... и все сходило. Много давали в долг, а кто в долг берет—ему все хорошо! Он и на цену не обижался... А барыши-то были!.. Сердце радовалось... Два раза в год ездил к Троице-Сергию бога благодарить...

— Чего говорить! торговля шла за милую душу,—перебил его Авдей Фомич,—торгуем, бывало, шутя, а смотришь „чистых“ ворох остается. Я себе двухэтажный дом на Вознесенской улице в один год сколотил.

— Да и у меня, вы помните, как дела шли,—не утерпел и вмешался Аким Федотыч,—я, как говорят, лопатой греб деньгу... и кто покупал? Только одни рабочие наших местных фабрик... да крестьяне бывало заезжали в базарные дни. А теперь слезы... скоро ли мы опять станем на ноги?

— И заметь!.. Все это чортова революция наделала,—вытирая платком потное лицо, вновь заговорил Пров Никитич,—настроили разных комитетов, союзов... Пошли кооперативы, торговлю закрыли... рынки разогнали! Ну, значит, рабочих совсем сбили с толку... Ему теперь дико ко мне заходить... Он идет и оглядывается... Намедни идет мимо моей лавки жена Котлова, слесаря,—раньше у меня брали,—я ей говорю: „Что же не заходишь, Лизавета, ай забыла!“ —„Мы, говорит, пайщиками состоим в своей лавке“. „Заходи, говорю ей, брось свою лавку, скидочку сделаю, конфетами угощу по старой памяти“. „Нет, говорит, не надо“, и пошла дальше, и другие также... Кооперативы с каждым днем все больше силу забирают: организации, собрания, деньги собирают, открывают лавки и все прочее. А мы мух ловим...

— Ты, Пров Никитич, одну истинную правду говоришь, прямо в точку бьешь,—вмешался Ефрем Семеныч,—не будь сичас в нашей местности этих самых рабочих „потребилок“, у нас были бы развязаны руки... чево нам!.. живи тогда не

Собрание В.Т. Белисского

тужи... покупателей сколько хошь... покупатель не взыскательный... самый доходный... не будет лизать да нюхать... только вот...

— Я к тому и речь веду,—перебил его Пров Никитич,— нам надо взяться за эти „потребилки“, как следует... их нужно изводить... понимаете!.. постараться извести разными путями и добиться того, штобы потребилки эти были в наших руках... А мы што сичас... сидим и ждем пока они нам горло перегрызут... Рази это дело! Тут разговорами не поможешь... Надо не жалеть денег... деньги, знаете, такая силища, все могут сделать!..

— Чево здесь жалеть!.. Чудно!.. На это дело все отдашь!.. Отдадим!.. Говори, Пров Никитич, сколько тебе надо!..—перебивая друг друга, заговорили купцы.

Дьявольские замыслы Акулова.

— Постойте, сичас!.. Тут надо делом все обсудить... не зря... я давно раскидываю мозгами... как и что... Я думаю так... У „потребилок“ сичас духу не хватает на счет капиталу... мало, значит, денег для торговли. Ну, вот!.. Нам и надо теперь найти такого человечка, надежного, расторопного... „своего...“ и через него начать разные ходы... Предложить потребиловцам в долг денжонок... Деньги эти будет давать „наш“ человек, как-быдто свои собственные и условия сделает подходящие, а у них выговорит себе, чтобы они за эту добродетель приняли его доверенным. Он им на первых порах товарцу должен предложить подешевле и в рассрочку... Дескать, старается для рабочего люда. Сначала ему придется влезть в доверие к потребильским главарям... чтоб ни-ни! не было подозрений... Все надо делать аккуратно... Потом наш человек начнет по их удостоверению товары разные закупать... тут он и для нас постарается: партию им, партию нам. Будем знать... если выгодно—себе, а похуже—потребиловкам. В случае, одному нашему человеку будет трудно, найдем ему помощников... и сами все вопче будем ему помогать, рассказывать, как и что делать... Поняли?.. Направлять его будем... Вот!.. Он нам все сказывать будет и все дела потребилок будут у нас, как на ла-

СОУНБ им. В. Г. Белинского

дони... Будем знать, кто там управляет, что у них есть и все другое. Наш человек укажет нам, кто из потребиловских управляющих послабее, помягче... любит этак иногда клюнуть...

Пров Никитич щелкнул себя пальцами по горлу и ехидно улыбнулся. На лицах у всей компании виден был общий восторг, их захватывал план, развиваемый Пров Никитичем и они жадно ловили каждое его слово. Пров Никитич весь горел. Его трудно было остановить и он шел дальше.

— Стоит только познакомиться, а угостить мы сумеем,— продолжал Пров Никитич,—в грязь не ударим... заморским угостим... Вы сами знаете, если человек выпьет, с ним всегда легко сговориться, а там, глядишь, и того... «сунуть» пакетик можно на извозчика, мол, и на другое там...

— А если на партейного нарвешься,—заметил Пантелей Спиридоныч.

— Эх, ты, чудак!—ухмыльнулся Пров Никитич,—мы будем иметь дело, прежде всего, с такими, которые, значит, посходней и попроще... да из партейных тоже есть податливый народ... Там видно будет!.. Да, о чем я говорил!..

Пров Никитич потирал лоб, стараясь связать прерванную мысль.

— Да!.. Вот этот наш человек будет у них мало-по-малу сбивать торговлю, мешать им все планы. Закупать будет больше такого товару, который не нужен рабочему... Рабочие будут их ругать, проклинать и волей-неволей пойдут к нам и на рынок. А нам в это время не надо зевать... Чем у них будет больше разладу... это нам на руку. Мы в это время будем цены держать ниже и продавать дешевле... Тут нечева стесняться, если на то пошло... Нужно будет в убыток, будем торговать в убыток... чорт с ним!.. потом все вернем, только бы нам взять силу... Самое главное, нам, торговцам, в таком случае надо девствовать дружней... собча, значит... цены и сорта поровней нужно держать... Да и рабочих в это время следует маленько побаловать... Нашим молодцам дадим строгий приказ, штобы у них к покупателю обращение было такое, к примеру, ласковое... с почтением!.. потому, хоть он и рабочий народ, скажем, а тоже любит уважение... За это время их сво-

СОУНБ им. В. Г. Белинского

бода сильно избаловала, просто беда!.. Теперь дальше скажу, чтобы привлечь в наши лавки побольше рабочих, нужно будет кой-кому из них давать в долг, иным делать скидочку, а другим конфеток или табачку отпускать в виде премии... ущерб для нас здесь пустяшный, а разговору наделаем много... Будут говорить, смотрите, мол, Акулов или Колупаев, какие хорошие и порядочные торговцы!.. Потом!.. Всех рабочих, недовольных своими потребилками и особливо кто подебоширистей, придется хорошенько задобрить, распросить их кой о чем и незаметным порядком настроить, чтобы они дальше и больше у себя мутили и подбивали своих товарищев и советовали брать в наших лавках... Фу!.. Ну и жарко!..

Пров Никитич встал, снял с крючка полотенце и начал вытирать лицо и шею.

— Особенно нужно постараться перетянуть баб на нашу сторону,—продолжая мысль Пров Никитича, начал Ефрем Семеныч,—почти у каждого рабочего все харчи для семьи покупает жена... Все хозяйство у ней в руках: она ведет расходы и она может нам дать большой доход, ежели, скажем, будет покупать у нас всякий продукт. Я знаю... стоит только бабу приучить к своей лавке и она больше никуда не пойдет... двадцать лет будет брать в одном месте—и плохо—да хорошо! Она сумеет обойти и мужа, и потребилку, и самого черта... и настоять на своем... Я видел таких на своем веку не мало.

— Ты на счет баб хорошо сказал, Ефрем Семеныч, ей-богу, хорошо!—вмешался в свою очередь Авдей Фомич,—другой хозяйке бывало при расчете дашь коропку конфет ценою всего в три гривенника, так она ходит к тебе в лавку за три версты и на всю округу хвалит.

Все засмеялись. Пров Никитич посмотрел на вошедшую в комнату Матрену Дорофеевну, мысленно сравнивая ее с теми бабами, о которых только что шла речь.

— Не нужно ли вам, господа, добавить еще закусочки?—спросила Матрена Дорофеевна, просматривая на пустеющий стол.

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ
г. СВЕРДЛОВСК

Собственность им. В.Г. Белинского

Решение принято единогласно — кооперация держись!

— Ну так, господа, по рукам,—передохнув немного, начал Пров Никитич,—можно сказать договорились по этому сурьезному делу... все согласны, што я говорил?

— Конечно!.. без сумления—все!.. кто-ж из нас пойдет насупротив этого!..—подтвердили все собеседники.

— По миру пойду, а не уступлю этим поганым „потребилкам!"—закипятился Пантелей Спиридоныч,—как можно, чтоб они мне, торговому человеку, мешали вести дело... до последней рубашки буду бороться!...

— А как же, господа, на счет тово... человека-то найтить подходящего?—задал вопрос Пров Никитич.

— У меня есть человек очень полезный для нашего дела,—заявил Ефрем Семеныч,—порядочный малый и с головой.

— Кто он такой... откуда?—спросил Авдей Фомич.

— Гарасим Хватов его зовут. Он доводится дальним родственником моей жене,—стал пояснять Ефрем Семеныч,—человек он бывалый: в Америке был, по-китайски может мурлыкать, был в сыцалистах, позапрошлый год отбывал ихнюю „чистку", значит, а теперь по „чистой" в отставку вышел... сейчас в губернском Губсоюзе агромными делами ворочает... нам он был бы очень сподручный, ему можно доверить... оборотистый малый и все прочее...

— А пойдет?—коротко спросил Пров Никитич.

— Хорошо отблагодарим, — пойдет, — утвердительно заявил Ефрем Семеныч,—ты сказал, что деньги все могут сделать... я уговорю его... ну и человек!.. вот вы посмотрите... редкость!.. Он все ходы потребиловские знает... ему сказать два слова—он все сразу поймет...

— К нам он близок?—задал вопрос Аким Федотыч.

— Он постоянно был за нас... это он для близиру вертится около „них"—спокойно пояснил Ефрем Семеныч.

— Ты пришли его ко мне,—сказал Пров Никитич,—я с ним потолкую... договорюсь.

— Ладно... он в четверг будет у меня,—ответил Ефрем Семеныч.

СОУНБ им. В.Г. Белинского

— За деньгами мы не постоим, — решительно заявил Аким Федотыч, — сколько потребуется — получай... только веди дело в нашу пользу...

— Пожалуй и ко дворам пора,—посматривая на часы, сказал Пантелей Спиридоныч.

— Да, надо по домам... время!.. — согласились и другие.

— Выпейте, господа, на дорожку и тогда пойдете,— предложил Пров Никитич и наполнил рюмки.

Все встали и чокнулись.

— Я эту выпью за *хорошее начало*,—сказал Авдей Фомич, делая ударение на последних словах.

— А я за... *гибель потребилок*,—подвторил ему Пров Никитич, состроив дьявольскую гримасу.

— Ну, а мне придется пить за *полезные советы* Пров Никитича,—поглядывая на всех сказал Пантелей Спиридоныч,—если бы не было у нас таких людей, как он—погибла бы наша Россея... и торговля!..

Последнее слово он произнес после того, как отнял ото рта опустошенную рюмку.

Затем все начали прощаться и благодарить хозяина и хозяйку за радушный прием и угощение.

Пров Никитич проводил гостей и запер двери. Матрена Дорофеевна начала убирать со стола.

— Ну, Матрена, большое дело сегодня сделали,—укладываясь спать, проговорил Пров Никитич,—молись господу-богу, чтобы и дальше все пошло по-хорошему.

Матрена Дорофеевна кивнула головой и вышла в другую комнату.

В это время на башне Г. П. У. [1]) пробило двенадцать часов.

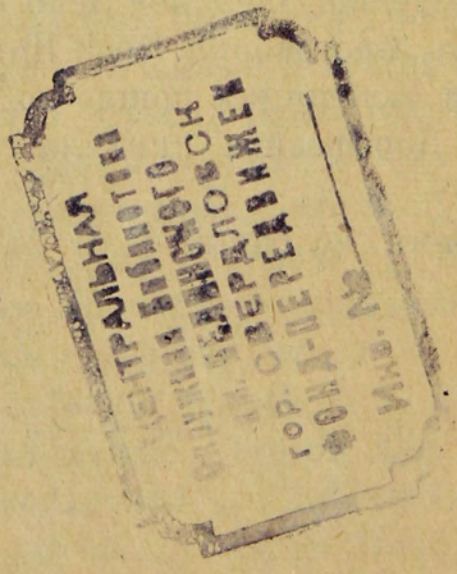
45252

---

[1]) Местное *Городское Пожарное Управление.*

СОУНБ им. В. Г. Белинского

СОУНБ им. В. Г. Белинского



СОУНБ им. В. Г. Белинского

Г-56

СОУНБ им. В. Г. Белинского

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ЦЕНТРОСОЮЗА:
1-й оптово-розничный—Маросейка 7, Тел. 1-23-27.
2-й розничный—Кузнецкий Мост, 2, Тел. 1-88-78.